

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

УДК 341.3

ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ НА ЮГО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ И МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

© Павел Валерьевич ВОЛОСЮК

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь,
Российская Федерация, кандидат юридических наук, доцент,
зам. зав. кафедрой уголовного права и процесса, e-mail: pavel_volosuk@mail.ru

На основании изучения правовой сущности международных и внутренних вооруженных конфликтов, имевших место как в XX в., так и в начале XXI в. на территории различных государств, автором делается международно-правовой анализ преступлений, совершенных военнослужащими и командирами в период проведения контртеррористической операции на территории Донецкой и Луганской областей Украины. С позиции международного уголовного права и практики его применения определяются уголовно-правовые признаки военных преступлений, совершенных в период вооруженного конфликта на территории Донецкой и Луганской областей Украины. Делается заключение о законных основаниях применения Уголовного кодекса Российской Федерации за преступления, совершенные гражданами как Украины, так и других государств против российских граждан, а также обосновывается возможность применения универсального принципа действия российского уголовного закона к лицам, совершившим преступления на территории Украины против мирного населения. Доказывается невозможность применения обстоятельств, исключающих уголовную ответственность по международному уголовному праву к военнослужащим и командирам за преступления, совершенные в период вооруженного конфликта на территории Украины.

Ключевые слова: международное уголовное право; уголовная ответственность; внутренний вооруженный конфликт; преступления против мира и безопасности человечества; военные преступления.

По данным экспертов за период с 1946 по 1990 г. из 127 вооруженных конфликтов только 37 были межгосударственными, а 90 имели внутренний характер [1]. Такая картина свидетельствует о росте в последнее десятилетие внутренних вооруженных конфликтов с завидной регулярностью. События, произошедшие в мировом сообществе в конце 90-х гг. XX в. и начале нового столетия, наглядно подтверждают это. В конце XX в. в связи с распадом советского государства на территории как России, так и бывших советских республик протекало около 40 вооруженных конфликтов, очаги которых не локализованы и по настоящее время. Причины возникновения таких вооруженных конфликтов в каждом государстве разные – от экономических, политических, межнациональных до религиозных и иных причин.

Одним из кровавых вооруженных конфликтов, возникших на территории бывшего советского государства за последние несколь-

ко лет, принято считать вооруженный конфликт в Южной Осетии. Однако «реки крови», причем «реки» именно мирного населения, продолжают заливать постсоветское пространство и докатились до юго-восточных границ нашего государства. Речь идет в данном случае о событиях, произошедших на территории Донецкой и Луганской областей Украины.

Вряд ли кто-то мог предполагать, что действия радикально настроенных людей в Киеве в феврале 2014 г. могут привести к той трагедии, которая развернулась на территории разных городов и областей Украины и еще с большей степенью трагизма на юго-востоке Украины. Жители восставших регионов Украины в ответ на бесчинства, произошедшие в столице родного государства, потребовали децентрализации власти, на что в ответ получили стянутые войска к своим домам с официальным лозунгом – борьба с террористами.

На призывы руководства Российской Федерации, некоторых западноевропейских государств разрешить конфликт мирным путем, без применения оружия, украинские власти ответили отказом, указав, что ведут борьбу с террористами на территории своей страны, в т. ч. приводя в качестве аналогичного примера действия Российской Федерации на территории Чечни в 1990-х гг.

Отказ официальных властей Украины сесть за стол переговоров и разрешить мирным путем возникший конфликт стал результатом гибели мирного населения, разрушением гражданской инфраструктуры, разрушением населенных пунктов, массового оттока гражданского населения Донецкой и Луганской областей Украины на территорию России.

Не стремясь вдаваться в политическую оценку событий, произошедших на территории Донецкой и Луганской областей Украины, постараемся дать юридическую оценку произошедшему вооруженному конфликту. Такая юридическая оценка, на наш взгляд, очень важна не только для правильной квалификации действий военнослужащих, военачальников, но и иных лиц, принимавших участие в вооруженном конфликте и совершивших противоправные деяния в отношении мирного населения.

Важно учесть и наличие возбужденных уголовных дел Следственным комитетом Российской Федерации за убийство российских журналистов на территории этих областей, наличие судебных решений об аресте организаторов убийств мирных жителей, допросы беженцев в качестве свидетелей и потерпевших российскими следователями. Все это требует скрупулезного анализа не только ряда статей УК РФ, но, самое главное, норм международного уголовного права, без которого защита прав потерпевших и привлечение к уголовной ответственности виновных будут очень сложными.

В случае с Донецкой и Луганской областями Украины делать предварительные выводы пока рано в силу недостаточности информации по ходу расследования уголовных дел. Но очевидным является тот факт, что на лиц, совершивших преступления в условиях произошедшего вооруженного конфликта, распространяются принципы уголовной ответственности по международному уголов-

ному праву, а именно «индивидуальной уголовной ответственности», «недопустимости ссылок на официальный статус и приказ», неприменение иммунитетов, сроков давности, а также принципы действия международного уголовного права [2].

Так как основная цель исследования заключается в уголовно-правовой оценке правовых последствий вооруженного конфликта, поставим в начале первый вопрос: *допущено ли официальными властями Украины нарушение норм международного права?* Со всей долей очевидности заметим, что нарушение официальными властями Украины норм международного гуманитарного права имеет место быть, а именно, нарушение Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г.; II Дополнительного протокола к Женевским конвенциям 1949 г. от 8 июня 1977 г.; Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г., о чем пойдет речь ниже (док. ООН/А/44/34) [3].

Чтобы наши выводы о нарушении украинскими властями норм международного гуманитарного права не оказались подвергнутыми жесткой критике, приведем извлечение из доклада мониторинговой миссии ООН по правам человека на Украине от 29 августа 2014 г., в котором эксперты делают следующее заключение: «несмотря на продолжающиеся бои и операцию по обеспечению безопасности в районах, над которыми правительство восстановило контроль, необходимо незамедлительно начать расследование заявлений о нарушении международного права со стороны вооруженных групп и военных сил Украины. Любое промедление приводит к риску утери доказательств таких нарушений». В документе в т. ч. указывается, что операция, проводимая правительством Украины на востоке страны, «входит в конфликт с международными гуманитарными нормами и стандартами».

Логична постановка и второго вопроса: *возможно ли применение к преступлениям, совершенным на территории этих областей, Уголовного кодекса России?* – учитывая тот факт, что Следственным комитетом России возбуждены уголовные дела по ст. 356 и 105 УК РФ.

Постараемся ответить на этот вопрос. С одной стороны, мы видим внутренний вооруженный конфликт, проистекающий на территории суверенного государства, Украины, даже несмотря на объединение Донецкой и Луганской областей в Новороссию и потенциальное желание ее войти в состав Российской Федерации. С другой стороны, и Донецкая, и Луганская области – это территории иностранного государства, территориальную целостность которого наша страна в силу предписаний международно-правового характера нарушать не имеет права, да и официальные власти Украины, организовавшие, спланировавшие и руководящие боевыми действиями на территории этих областей, не являются гражданами России, собственно как и мирные жители, пострадавшие от их действий, также имеют гражданство Украины.

Однако не стоит забывать о содержании ч. 3 ст. 12 УК РФ, согласно которой «иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по УК РФ в случаях, если преступление направлено против интересов Российской Федерации либо гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства, а также в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации, если иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Российской Федерации». Доказанным является факт того, что на территории Донецкой области от рук украинских военных погибли трое российских журналистов, что позволило возбудить уголовное дело по ст. 105 УК РФ Следственному комитету РФ.

Но несомненный интерес представляет и еще одна часть упомянутой нами ч. 3 ст. 12 УК РФ о том, что российский уголовный закон можно применить к иностранным гражданам или лицам без гражданства, не проживающим постоянно в Российской Федерации, совершившим общественно опасные деяния, признанные преступлениями по международному уголовному праву, независимо от

места их совершения и гражданства (подданства) виновных.

Речь идет о преступлении, предусмотренного международным договором России, в отношении которого установлена «универсальная юрисдикция». К их числу относятся две группы преступлений – преступления против мира и безопасности человечества (агрессия, геноцид, экоцид, военные преступления и др.) и преступления международного характера (торговля людьми, использование рабского труда, преступления террористического характера, фальшивомонетничество, легализация преступных доходов и др.). При этом не обязательно, чтобы совершенное преступление причинило вред непосредственно интересам России и ее гражданам. И положения соответствующего международного договора России имплементированы в российское уголовное законодательство, что позволяет квалифицировать совершенное общественно опасное деяние как преступление по УК РФ.

Выше мы уже указали, что имеет место нарушение украинскими властями Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним 1977 г., на основании чего Следственным комитетом РФ и было принято решение возбудить уголовное дело по ст. 356 УК РФ в части жестокого обращения с гражданским населением. Национальная уголовно-правовая норма является бланкетной, и для правильной квалификации следственным органам необходимо уяснить, какие именно и в чем конкретно состояли нарушения норм международного гуманитарного права.

Вооруженный конфликт, имеющий место быть на территории уже упомянутых нами двух областей Украины, имеет немеждународный характер, т. е. внутрисударственный, что позволяет нам говорить о нарушении Женевских конвенций 1949 г. и II Дополнительного протокола 1977 г. к Женевским конвенциям.

Потерпевшими в рамках ст. 356 УК РФ является гражданское население, к которому, согласно IV Женевской конвенции 1949 г. (ст. 3, 4), относятся: 1) лица, которые непосредственно не принимают участия в военных действиях; 2) лица из состава вооруженных сил, которые сложили оружие; 3) лица, которые перестали принимать участие в во-

енных действиях вследствие болезни, ранения, задержания (разумеется, за исключением военного пленения) или по любой другой причине. В случае сомнения относительно того, является ли какое-либо лицо гражданским лицом, оно считается гражданским лицом, т. е. подпадающим под защиту международного гуманитарного права.

Диспозиция ст. 356 УК РФ в качестве одно из признака объективной стороны называет жестокое обращение с гражданским населением, не раскрывая, что понимается под таким обращением. И вот тут российские правоприменители в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и должны обращаться к Женевским конвенциям 1949 г. Так, в соответствии со II Дополнительным протоколом 1977 г., в случае вооруженного конфликта немеждународного характера *под жестоким обращением, в частности в отношении гражданского населения, следует понимать* 1) посягательство на жизнь и личность, в частности убийство в любой форме, причинение увечий, жестокое обращение и пытки; 2) взятие заложников; 3) вероломное убийство или ранение комбатанта неприятеля.

Таким образом, в действиях украинских военных усматривается нарушение ст. 3 Женевской конвенции 1949 г.: *«запрещается, и всегда и всюду будут запрещаться посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания»* лиц, не принимающих участия в боевых действиях, в т. ч. и гражданского населения.

Со стороны украинских военных имеет место быть нарушение и II Дополнительного протокола 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. Так, согласно ч. 2 ст. 13 II Дополнительного протокола, *«гражданское население как таковое, а также отдельные гражданские лица не должны являться объектом нападения. Запрещаются акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население»*. Согласно ч. 2 ст. 17, *«гражданские лица не могут принуждаться покидать свою собственную территорию по причинам, связанным с конфликтом»*.

В документах современного международного права указано, что, например, к убийствам гражданского населения необхо-

димо относить убийства захваченных участников оппозиционных вооруженных сил и гражданских лиц на оккупированной территории, за исключением смерти «честно осужденных», а также умерших заключенных по причине заболеваний либо подавления волнений, допускаемых «законами и используемыми обычаями войны» (Doc. Preparatory Commission for the International Criminal Court/1999/WGEC/INF.1. § 12). Как «преднамеренное» убийство квалифицировано, в частности, наступление смерти одного из потерпевших, которого длительное время избивали, а затем оставили без какой-либо помощи (Prosecutor v. Z. Delalic, Z. Mucic, H. Delic, E. Landzo. Case № IT-96-21-T. 16 November 1998. § 842, 845).

Кроме того, действия украинских военных могут быть квалифицированы по ст. 356 УК РФ по такому признаку, как применение в ходе вооруженного конфликта методов ведения военных действий, запрещенных международным договором. Об этом свидетельствуют объективные факты: полное уничтожение некоторых населенных пунктов в Донецкой и Луганской областях, разрушение гражданской инфраструктуры (медицинские, образовательные, религиозные учреждения), применение в отношении мирного населения военной авиации, танков, системы «град», фосфорных бомб. Иными словами, действия украинских военных нарушают положения ст. 16 II Дополнительного протокола 1977 г., согласно которому *«без ущерба для положений Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г. «запрещается совершать какие-либо враждебные акты, направленные против тех исторических памятников, произведений искусства или мест отправления культа, которые составляют культурное или духовное наследие народов, и использовать их для поддержки военных усилий»*.

И если украинские власти, оправдывая свои действия, говорят о схожести проводимой ими военной операции с контртеррористической операцией, проводившейся в Чечне федеральными силами, хотя сравнение весьма абсурдно, хотелось бы в качестве примера привести решение Европейского суда по правам человека, вынесенного про-

тив России за методы ведения боевых действий на территории Чечни.

Так, 4 февраля 2000 г. проводилась операция по ликвидации участников незаконных вооруженных формирований, закрепившихся в населенном пункте Катыр-Юрт и оказавших активное вооруженное сопротивление. В результате применения средств поражения (авиации, артиллерии, стрелкового оружия) было убито 46 и ранено 53 местных жителей, которые использовались участниками бандформирований в качестве «живого щита».

Европейский суд по правам человека, признав законность применения войсками средств поражения, тем не менее выявил нарушения права на жизнь, защиту частной собственности и на надлежащее расследование случившегося. По мнению Суда, в вышеприведенных обстоятельствах государством не был соблюден принцип соразмерности, т. е. использованная сила не была строго соразмерна преследуемым целям. Командир соединения Внутренних войск вызвал для поддержки авиацию, не указав типы боеприпасов, которые следовало применять в данных условиях. Самолеты были вооружены тяжелыми авиабомбами свободного падения ФАБ-250 и ФАБ-500 с радиусом поражения свыше 1000 м. Европейский суд по правам человека отметил, что «применение такого вооружения в населенной местности не во время войны и без предварительной эвакуации гражданского населения никак не сочетается с той степенью осмотрительности, которую должен выказывать правоохранительный орган в демократическом обществе» [4].

Учитывая тот факт, что решения Европейского суда по правам человека имеют прецедентный характер и определенное уголовно-правовое значение, не приходится сомневаться, что если жители юга-востока Украины обратятся в Страсбургский суд с жалобой о привлечении к ответственности Правительства Украины и компенсации вреда за несоразмерность примененного оружия, не стоит надеяться на иное решение Суда [5; 6].

И, наконец, еще одно обстоятельство. В российских средствах массовой информации распространяется информация об участии в вооруженном конфликте на территории юга-востока Украины наемников, собственно и сами официальные власти Украины этого факта не скрывают.

Согласно ст. 47 I Дополнительного протокола 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г., наемник – это лицо, которое:

1) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте;

2) принимает непосредственное участие в военных действиях;

3) принимает участие в военных действиях, руководствуясь главным образом желанием получить личную выгоду, которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны;

4) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;

5) не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте;

6) не послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил.

При доказанности этих фактов российские следственные органы на вполне законных основаниях могут квалифицировать действия таких лиц по ст. 359 УК РФ.

Таким образом, можно с уверенностью заключить, что Уголовный кодекс Российской Федерации согласно ч. 3 ст. 12 УК может быть применен за преступления, совершенные против мира и безопасности человечества на территории юга-востока Украины при наличии связи между этими преступлениями и протекающим внутренним вооруженным конфликтом.

Конечно, будет резонанс вопрос: *кого считать субъектом уголовной ответственности за эти преступления, – военных командиров, солдат или же гражданских начальников Украины?* Ответ на этот вопрос более чем очевиден, на который есть ответ в международном уголовном праве. В силу принципа «индивидуальной ответственности» субъектом преступления расценивается любой человек, вне зависимости от каких-

либо демографических, социальных, имущественных либо иных характеристик. Иными словами, «каждое нарушение международного права не позволяет физическим лицам – даже действующим, в качестве органа государства скрыться за щитом государственного суверенитета» [7].

Так, например, в решении Международного трибунала по Руанде говорится, что «индивиды всех рангов, вовлеченные в вооруженный конфликт как в качестве военного командования, так и не в этом качестве, могут подлежать ответственности за совершение военных преступлений только в том случае, когда установлена связь между ними и вооруженным конфликтом...» (Prosecutor v. Kayishema and Ruzindana. Case № ICTR-95-1. 21 May 1999. § 175).

Но в этом случае могут ли военные или гражданские начальники, а также солдаты ссылаться на ст. 33 Римского Статута Международного уголовного суда, аналогичная норма предусмотрена и в национальных уголовных законах, могущая освободить их уголовной ответственности?

Уголовно-правовые принципы ответственности в случае исполнения приказа были сформулированы в международном уголовном праве в связи с учреждением и деятельностью Нюрнбергского международного военного трибунала по делу военных преступников. На этом процессе защита выдвинула довод, что обвиняемые совершали деяния либо по приказу своего начальника, либо на основании распоряжения своего правительства. В соответствии с этим они будто бы не могли отказаться от выполнения обязательных для них приказов и, следовательно, осуждаются несправедливо. Однако Нюрнбергский трибунал отверг такую трактовку и установил, что наличие преступного приказа не освобождает исполнителя от ответственности, если был возможен сознательный выбор, хотя и может рассматриваться как повод для смягчения наказания [8, с. 113].

Вскоре эта норма была возведена в ранг общего принципа международного права согласно Резолюции 95 (I) Генеральной Ассамблеи ООН «Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала», принятой 11 декабря 1946 г. на 55-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Принцип

IV гласит: «То обстоятельство, что какое-либо лицо действовало во исполнение приказа своего правительства или начальника, не освобождает это лицо от ответственности по международному праву, если сознательный выбор был для него возможен». Сознательный выбор означает, что лицо понимает преступность отданного приказа и имеет реальную возможность выбора – исполнить его или нет.

Далее принцип ответственности за исполнение заведомо преступного приказа был последовательно отражен в уставах Токийского трибунала, международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, Римском Статуте Международного уголовного суда, а также в Конвенции против пыток 1984 г. и ряде других международных документов.

Важно помнить при квалификации следующего: преступления, совершенные на территории Донецкой и Луганской областей должны быть связаны с происходящим вооруженным конфликтом немеждународного характера. Такая связь должна устанавливаться по каждому делу, а факт совершения преступления во время вооруженного конфликта немеждународного характера сам по себе автоматически не свидетельствует о совершении именно военного преступления (Prosecutor v. Kayishema and Ruzindana. Case № ICTR-95-1. 21 May. 1999. § 186-188; Prosecutor v. G. Rutaganda. Case № ICTR-96-13-T. 6 December. 1999. § 461-462).

В заключение отметим, что российский уголовный закон в полной мере может быть реализован в отношении украинских военных и гражданских начальников, не взирая на их должностное положение и иммунитеты, за нарушение общепризнанных принципов и норм международного гуманитарного права. Но если правовые основания привлечения к уголовной ответственности по международному уголовному праву имеются в отношении таких физических лиц, то вот на счет политической воли и, самое главное, желания международных правительственных организаций пока не приходится говорить.

1. Клуб «Реалисты». Информационно-аналитический бюллетень. 1995. № 11. С. 31-32.
2. Международное уголовное право / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. М., 2014.

3. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1957. Вып. 16.
  4. Решение Европейского суда по правам человека от 24.02.2005 г. по делу Исаева против Российской Федерации (Isayeva v. Russia) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2005. № 12.
  5. *Волосюк П.В.* Решения Европейского суда по правам человека и уголовное право России // Уголовное право. 2009. № 1. С. 109-112.
  6. *Волосюк П.В.* Значение решений межгосударственных судебных органов в условиях глобализации правового пространства // Вестник Ставропольского государственного университета. 2012. № 2. С. 66-70.
  7. *Верле Г.* Принципы международного уголовного права. М., 2011.
  8. Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / под ред. И.А. Ледях, И.И. Лукашук. М., 1995.
-
1. Klub "Realisty". Informatsionno-analiticheskiy byulleten'. 1995. № 11. S. 31-32.
2. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo / pod red. A.V. Naumova, A.G. Kibal'nika.* М., 2014.
  3. *Sbornik deystvuyushchikh dogovorov, soglasheiy i konventsiy, zaklyuchennykh SSSR s inostrannymi gosudarstvami.* М., 1957. Vyp. 16.
  4. *Reshenie Evropeyskogo suda po pravam cheloveka ot 24.02.2005 g. po delu Isaeva protiv Rossiyskoy Federatsii (Isayeva v. Russia) // Byulleten' Evropeyskogo suda po pravam cheloveka.* Rossiyskoe izdanie. 2005. № 12.
  5. *Volosyuk P.V.* Resheniya Evropeyskogo suda po pravam cheloveka i ugovnoe pravo Rossii // Ugovnoe pravo. 2009. № 1. S. 109-112.
  6. *Volosyuk P.V.* Znachenie resheniy mezhgosudarstvennykh sudebnykh organov v usloviyakh globalizatsii pravovogo prostranstva // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 2. S. 66-70.
  7. *Verle G.* Printsipy mezhdunarodnogo ugovnogo prava. М., 2011.
  8. *Nyurnbergskiy protsess: pravo protiv voyny i fashizma / pod red. I.A. Ledyakh, I.I. Lukashuka.* М., 1995.
- Поступила в редакцию 9.07.2014 г.

UDC 341.3

ARMED CONFLICT IN SOUTH-EAST OF UKRAINE AND INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

Pavel Valeryevich VOLOSUYUK, North-Caucasian Federal University, Stavropol, Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor, Vice Head of Criminal Law and Procedure Department, e-mail: pavel_volosuk@mail.ru

Based on the study of legal essence of international and inner armed conflicts took place both in 20th and 21st centuries on territories of different states International legal analysis of crimes committed by soldiers and commanders during the counter-terrorist operation in the Donetsk and Lugansk regions of Ukraine is considered. Penal signs of war crimes committed during the armed conflict on the territory of Donetsk and Lugansk regions of Ukraine are defined, it is concluded that there is the possibility of the application of the Criminal Code of Russian Federation to Ukrainian citizens for crimes committed against Russian citizens, and also the opportunity of application of universal principle of action by Russian criminal law to subjects committed crimes on territory of Ukraine against local population is considered. The criminal legal opinion about the impossibility of applying the circumstances precluding criminal responsibility in international criminal law for servicemen and commanders for crimes committed during the armed conflict is proved.

Key words: International Criminal Law; criminal liability; domestic armed conflict; crimes against peace and security of mankind; military crimes.